

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.
ВТОРОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ № 9.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ДОЛГОРУКОВА

и

БЕРЕЗОВСКІЕ ССЫЛЬНЫЕ.

Т. ТОЛЫЧОВОЙ.

ЦѢНА 20 К.

МОСКВА.

1874.

ИЗДАНІЯ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ, ОДОБРЕННЫЯ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Букварь гражд. и церковный, съ прилож. молитвъ, стат. для чтенія, кратк. свѣдѣній о Россіи и прописей, ц. 20 к.

Азбука и чтеніе для перваго возраста Е. Вельтманъ. 2 час., ц. 60 к.

Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ прилож. образцовъ граммат. разбора. профес. Ѳ. И. Буслаева, ц. 1 р.

Русская Христоматія. Памятники древне-русской литературы и народн. словесности, съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями, съ словаремъ и указателемъ. Проф. Ѳ. И. Буслаева, ц. 1 р. 50 к.

Исторія Обществен. и частн. быта. Чтеніе въ школѣ и дома П. Кирхмана, ц. 50 к.

Русская Лѣтопись для первоначальнаго чтенія. Проф. Соловьева, ц. 40 к. Изд. 3-е.

Великій Князь Ярославъ 1-й, ц. 15 к.

Князь Яковъ Ѳедоров. Долгоруковъ, П. Фурмана, ц. 40 к.

Тысяча восемьсотъ двѣнадцатый годъ. О. Гончаровой, ц. 15 к.

Путешествіе москов. купца Трифона Коробейникова въ Палестину въ 1552 году, ц. 10 к.

Благовѣрная Евдокія, В. К. Московская, въ инокиняхъ Евфросинія, Бѣляева, ц. 12 к.

Дѣлатели золота. Народная повѣсть Пшокке. Изд. 2-е, ц. 25 к.

Какъ нужно обращаться съ животными. Изд. 2-е, ц. 10 к.

Тряпье и писчая бумага. Съ рисун. въ текстѣ. Ѳедченко, ц. 25 к.

Покореніе Казани Московскимъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, ц. 10 к.

Разсказы про нѣкоторые промыслы въ Россіи. Горѣлова, ц. 11 к.

Растеніе. Первые уроки ботаники. И. Н. Зарубина, ц. 15 к.

Популярный курсъ начальныхъ основаній земледѣлія для учителей сельскихъ училищъ. Н. А. Соковнина, ц. 1 р. 25 к.

Novosil'tseva, Ekaterina Vladimirovna

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.
ВТОРОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ № 9.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ДОЛГОРУКОВА

И

БЕРЕЗОВСКІЕ ССЫЛЬНЫЕ.

Т. ТОЛЫЧОВОЙ.

МОСКВА.
Типографія В. Готье, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.
1874.

Дозволено цензурою. Москва, 12 Декабря 1873 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наталья Борисовна Долгорукова была не разъ воспѣта поэтами, нѣтъ и историка, который не упомянулъ бы о ней. Однако она не играла никакой роли въ судьбахъ нашего отечества, не имѣла ни малѣйшаго притязанія на извѣстность, составляла свои записки лишь для сына, и по его просьбѣ, и не думала никогда, что онѣ попадутъ въ печать сто лѣтъ послѣ ея кончины *).

Сколько, наоборотъ, мы видимъ женщинъ, которыя ищутъ извѣстности, и думаютъ ее достигнуть потому только, что проповѣдуютъ хоромъ болѣе или менѣе ложныя теоріи, и стали подъ извѣстное знамя. Но врядъ ли имена этихъ цеховыхъ героинь перейдутъ когда нибудь къ потомству. Не знамя, а закалъ всей личности образуетъ героя. Тотъ кому природа вложила въ сердце задатки доблести и мужества не придаетъ цѣны своему

*) Эти записки служили главнымъ матеріаломъ для нашего труда, но къ сожалѣнію княгиня высказываетъ въ нихъ лишь свои страданія, и не передаетъ никакихъ почти подробностей, которыя были бы однако такъ драгоцѣнны для потомства. Достаточно сказать, что въ ея разсказѣ не упомянуто ни одного имени, ни даже имени ея мужа. Она довела записки до времени прибытія семейства въ Березовъ и завершила ихъ словами: «И такъ мы плыли цѣлый мѣсяцъ до того города, гдѣ намъ жить».

подвигу и смотритъ на него съ простотой ребенка, потому что этотъ подвигъ онъ совершаетъ безъ разсчета, безъ усилія, и повинуясь исключительно внутренной потребности. Княгиня Долгорукова избрала добровольно скорбный путь, по которому шла, и избрала его потому, что не могла избрать другаго, и что всякій другой былъ бы въ разгладѣ съ ея природой. Какъ удивилась бы Наталья Борисовна, еслибъ ей сказали, что отдаленное потомство будетъ воспроизводить ея свѣтлый образъ, потому что она осталась вѣрна своимъ чувствамъ и побужденіямъ! Кто же однако не дѣйствуетъ по своему внутреннему влеченію? кто ему не вѣренъ? Но дѣло въ томъ, что различныя побужденія влекутъ людей на различные пути.

Великъ лишь тотъ, кто не сознаетъ своего величія, герой лишь тотъ, кто не понимаетъ своего геройства:

Le lys de la vallée et la neige qui tombe
Sont blancs sans le savoir *).

---

*) Ни лилія долины, ни снѣгъ не вѣдаютъ своей бѣлизны.

I.

17 Генваря 1714 года великое было ликованіе въ домѣ самаго именитаго вельможи Петровскаго времени, фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. Графъ со всѣмъ своимъ семействомъ и домочадцами благодарилъ Бога за рожденіе дочери, которая получила при крещеніи имя Наталіи.

Казалось, что при вступленіи ея въ жизнь все улыбалось малюткѣ. Отецъ ея былъ столько же извѣстенъ древностію своего рода, сколько заслугами оказанными имъ отечеству, царскимъ великолѣпіемъ, и въ особенности своей щедростію и благородствомъ. Каждый имѣлъ къ нему свободный доступъ, и неимущій могъ всегда пользоваться его богатствомъ. Въ графскомъ домѣ что ни день былъ накрытъ столъ на сто человѣкъ, и въ часъ обѣда столовая наполнялась незнакомыми лицами, которыя были приглашены отвѣдать хлѣба-соли. Хозяинъ садился съ ними, старался оживить обѣдъ веселой бесѣдой, и какъ въ новорожденномъ Петербургѣ, такъ и въ старушкѣ Москвѣ всѣ, отъ мала до велика, знали его

имя. По вечерамъ онъ принималъ обыкновенно своихъ пріятелей, и долго и весело съ ними пировалъ. Въ это время попойки были необходимой принадлежностію пира, но графъ Шереметевъ ихъ не терпѣлъ и не допускалъ у себя. Около него толпились люди самые образованные его времени; онъ любилъ бесѣды ученыхъ, но тогдашняя Россія не удовлетворяла его любознательности. Захотѣлось ему взглянуть на другія страны; онъ посѣтилъ Европу и было напечатано четыре тома его путевыхъ записокъ. Воспоминанія о немъ долго сохранялись въ народѣ. Часто его великолѣпный цугъ останавливался среди улицы, лакей опускалъ быстро подножку, изъ кареты выходилъ графъ, протягивалъ руку какому нибудь бѣдному своему сослуживцу, шедшему торопливо въ грязи или подъ дождемъ, и приглашалъ его сѣсть съ нимъ въ карету. Императоръ Петръ уважалъ его строгій и неподкупный характеръ, и на своихъ пирахъ, гдѣ каждый былъ обязанъ напиваться допьяна оставлялъ лишь за графомъ Шереметевымъ и за княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ право отказываться отъ предлагаемаго кубка.

Борисъ Петровичъ овдовѣлъ около шестидесяти лѣтъ. У него было нѣсколько дѣтей и взрослыхъ уже внучатъ и онъ задумалъ вступить въ монастырь. О своемъ намѣреніи онъ долженъ былъ объявить Императору, и поѣхалъ во дворецъ. Петръ, выслушавъ красиваго и бодраго старика, взялъ его за руку и повелъ въ другую комнату. Тамъ сидѣли многія красавицы, и Царь пригласилъ своего любимца отказаться отъ монашеской рясы

и выбрать себѣ жену. Глаза фельдмаршала остановились на боярынѣ Аннѣ Петровнѣ, вдовѣ Льва Кириловича Нарышкина. *) Она была уже не первой молодости, но сохранила еще замѣчательную красоту. Монастырь былъ забытъ, и вскорѣ родственники и пріятели графа были приглашены отпраздновать его второй бракъ.

И старикъ зажилъ опять веселой, полной семейной жизнію. Скоро въ его домѣ раздался давно забытый дѣтскій крикъ, и няньки пѣстовали здороваго, красиваго мальчика, **) а едва минулъ годъ, какъ цугъ за цугомъ останавливался предъ крыльцомъ Шереметевскаго дома: все московское общество спѣшило поздравить графа съ рожденіемъ дочери.

II.

Первые годы дѣвочка была окружена роскошью, баловствомъ и любовью. Отецъ и мать видѣли въ ней свою радость и утѣшеніе своей старости. Но ей не было еще пяти лѣтъ, когда умеръ фельдмаршалъ. Императоръ Петръ былъ очень огорченъ его смертію, перевезъ тѣло въ Петербургъ и похоронилъ съ великимъ торжествомъ въ Невской лаврѣ.

---

*) Онъ былъ родной дядя Императора, братъ Натальи Кириловны.

**) Графъ Петръ Борисовичъ, прадѣдъ нынѣшняго графа Шереметева.

Наталья Борисовна осталась на попеченіи матери, которая любила ее больше всѣхъ своихъ дѣтей, любила всѣми силами души. Графиня тщательно заботилась о ея воспитаніи, держала при ней иностранную гувернантку, и часто мечтала, что будетъ радоваться на блестящую судьбу дочери. Но не долго жила она послѣ мужа, и въ четырнадцать лѣтъ Наталья Борисовна осталась круглой сиротой.

Она была отъ природы нрава веселаго, но смерть матери совершила переворотъ какъ въ ея характерѣ, такъ и въ ея судьбѣ. Братъ ея, графъ Петръ Борисовичъ, который былъ лишь годомъ ея старше, получилъ одинъ огромное отцовское имѣніе и сталъ хозяиномъ дома. Онъ не былъ никогда друженъ съ Натальей Борисовной, и лишь о меньшемъ своемъ братѣ Сергѣѣ, она говоритъ какъ о другѣ, который ее «очень любилъ». Начались семейные раздоры и все перемѣнилось въ домѣ, лишь не стало графини. Передъ смертію она поручила свое любимое дитя иностранкѣ, о которой мы уже говорили. Добрая женщина горячо любила свою воспитанницу, но не могла служить ей опорой, и беззащитная дѣвушка узнала всю горечь сиротства. Она оплакивала неутѣшно мать и отказалась отъ всѣхъ увеселеній; и сердце къ нимъ не лежало, и показаться въ свѣтъ безъ матери она боялась. Но какъ ни скромно жила красивая боярышня, она не могла укрыться совершенно отъ посторонняго глаза. Многихъ плѣняла ея красота, другихъ привлекало ея блестящее положеніе. Женихи искали наперерывъ ея руки. Но она не торопилась выборомъ, она

ждала человѣка, котораго могла бы полюбить, и онъ явился наконецъ въ лицѣ красиваго, двадцати-двухълѣтняго императорскаго любимца.

III.

Русскій престолъ принадлежалъ тогда Петру II, сыну несчастнаго царевича Алексѣя. Одиннадцатилѣтній мальчикъ, призванный на царство былъ одаренъ счастливыми наклонностями, но строгаго воспитанія не получилъ. Свой домашній кружокъ онъ составилъ изъ семейства князей Долгоруковыхъ, пировалъ съ ними, ѣздилъ съ ними на охоту, и впродолженіи кратковременнаго его царствованія пиръ смѣнялся пиромъ и увеселеніе увеселеніемъ.

Дворъ переѣхалъ въ Москву на коронацію. Здѣсь Долгорукіе сблизились еще больше съ Государемъ, и угощали его часто въ своей подмосковной, откуда онъ отправлялся съ ними въ отъѣзжее поле. Особенно любилъ онъ одного изъ нихъ, молодаго князя Ивана Алексѣевича, въ которомъ видѣлъ друга своего ранняго дѣтства, и осыпалъ его почестями съ той минуты какъ сталъ самовластенъ. Ихъ дружба росла съ каждымъ днемъ; они рѣшились наконецъ скрѣпить ее узами родства, и было всенародно объявлено, что Царь избралъ себѣ невѣстой сестру своего любимца, княжну Екатерину Алексѣевну Долгорукову.

Ей назначены были фрейлины, она переселилась съ своимъ семействомъ въ Головинскій дворецъ, и стали поминать ее на эктиньяхъ подъ именемъ «Государыни-невѣсты».

Петръ пожелалъ съ ней обручиться, и Лефортовскій дворецъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ приготовленъ для торжественной церемоніи. Но въ ту минуту, какъ карета будущей Императрицы прокатилась подъ сводами дворцовыхъ воротъ, гербовая корона украшавшая верхъ экипажа упала на мостовую и разлетѣлась въ дребезги.

«Не передъ добромъ!» закричалъ народъ, толпившійся около дворца, «не бывать этой свадьбѣ!»

IV.

Прошелъ съ небольшимъ мѣсяцъ и Долгоруковы готовились праздновать другое еще обрученіе, — обрученіе Князя Ивана Алексѣевича съ Графиней Наталіей Борисовной Шереметевой.

Въ назначенный день, къ семи часамъ пополудни запылали смоляныя бочки около Шереметевскаго дома. Вдоль окружающей его ограды тѣснились съ радостными криками толпы народа. Самый домъ былъ убранъ и иллюминованъ какъ царскія палаты. Скоро онъ наполнился гостями. Тутъ былъ юноша Императоръ съ Цесаревной, дочерью Великаго Петра, были всѣ иностранные послы, изъ которыхъ одинъ говоритъ, въ своихъ запискахъ о

красотѣ невѣсты; была будущая царица, окруженная своими фрейлинами, и вся наша аристократія. Дамы были въ богатыхъ нарядахъ, мущины въ блестящихъ мундирахъ. Красивую чету обручали архіерей и два архимандрита. Обручальный перстень невѣсты былъ въ шесть тысячъ, а жениховъ въ двѣнадцать. По окончаніи церемоніи начались поздравленія, и Графъ Шереметевъ подарилъ своему будущему шурину нѣсколько пудовъ серебра и большіе позолоченные кубки и фляши, между тѣмъ какъ пригожая Графиня принимала отъ своей будущей семьи богатые подарки. Золотыя табакерки, часы, бриліянтовые наряды, словомъ все что могло потѣшить причуды молодой женщины или служить украшеніемъ ея красотѣ.

Съ этого дня въ честь обрученной четы начался рядъ праздниковъ. Наталья Борисовна была совершенно увлечена ими. Она жила въ какомъ-то волшебномъ мірѣ. И возможно ли было шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ взглянуть спокойными глазами на такое ослѣпительное положеніе. Какъ она любила своего князя, какъ гордилась имъ! и что за блескъ, что за великолѣпіе окружало ихъ обоихъ! и ея хорошенькая напудренная головка закружилась отъ избытка счастія.

Въ чаду радости и веселья провела она двадцать шесть дней и дорогой цѣной заплатила за это краткое блаженство. «За двадцать шесть дней благополучныхъ, сорокъ лѣтъ по сей день стражду; за каждый день по два года придется безъ малаго,» писала она года за три до своей кончины, когда судьба готовила ей еще много горя.

V.

Подходилъ 1730-й годъ. Весело встрѣтили его женихъ и невѣста: никому, можетъ быть, не сулилъ онъ такой завидной доли. Свадьбу Императора думали отпраздновать на 19-е Генваря, а тамъ станетъ и Наталья Борисовна подъ вѣнецъ.

Въ день крещенія было всегда водоосвященіе на Москвѣ-рѣкѣ. Родственникъ Князя Ивана, старый фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ Долгоруковъ повелъ войска на Іорданъ, и выстроилъ ихъ въ каре. Народъ толпился на набережной, туда съѣхалась и вся московская знать. На праздникахъ отличались въ особенности великолѣпіемъ своихъ экипажей Шереметевы и Долгоруковы. «Государыня-невѣста» явилась въ позолоченныхъ саняхъ, заложенныхъ шестерикомъ; на запяткахъ стоялъ царственный женихъ. Многочисленная свита ѣхала за экипажемъ. Императору подвели лошадь: онъ сѣлъ верхомъ и началась духовная церемонія: за ней послѣдовалъ парадъ.

При сильномъ морозѣ дулъ сѣверный вѣтеръ: Государь озябъ и по возвращеніи во дворецъ пожаловался на жестокую головную боль.

На другой день у него открылась оспа. Однако врачи не находили его состояніе опаснымъ. По прошествіи недѣли всѣмъ нашимъ Министрамъ находившимся за границей были разосланы успокоительныя депеши: болѣзнь принимала положительно счастливый оборотъ. Но боль-

ной мучимый сильнымъ жаромъ имѣлъ неосторожность открыть форточку, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ, и застудилъ оспу. Съ этой минуты была утрачена всякая надежда на выздоровленіе, и стали ходить всюду зловѣщіе слухи. Народъ привязанный къ молодому царю былъ пораженъ. Долгорукіе встрѣчали другъ друга съ озабоченными лицами, и собирались для тайныхъ совѣщаній. Дворянство пришло въ сильную тревогу: кто по смерти Петра взойдетъ на Русскій престолъ? Отецъ царской невѣсты, князь Алексѣй Григорьевичъ, мечталъ серьозно о томъ, чтобы увѣнчать дочь Романовскою короной.

VI.

Наталья Борисовна была чужда политическимъ переворотамъ и придворнымъ интригамъ, но любила Императора, потому что Императоръ любилъ ея жениха, и понимала, какъ горько будетъ Князю Ивану лишиться своего покровителя. Однако мысль о кончинѣ Государя не приходила ей на умъ: она молилась и уповала на Бога.

Наконецъ наступило 19-е Генваря, день назначенный для царской свадьбы. Съ ранняго утра всѣ близкіе родственники Шереметевыхъ съѣхались къ нимъ въ домъ. Императоръ скончался въ ночь, и не знали какъ объявить о томъ молодой Графинѣ.

Пока всѣ совѣщались и толковали о грустномъ событіи, она еще спала своимъ послѣднимъ счастливымъ без-

заботнымъ сномъ. Наконецъ она проснулась и была поражена пачальными лицами, которыя ее окружали. «Что случилось?» и на повторенные ея вопросы были принуждены объявить ей истину.

«Я пропала! пропала!» крикнула она, и громко зарыдала. Напрасно пытались ее утѣшить: сердце ея чуяло бѣду.

Родственники ея предвидѣли, что миновали свѣтлые дни для любимцевъ покойнаго Императора, и стали ее убѣждать отказаться отъ Князя Ивана, если его постигнетъ опала.

«У тебя будутъ другіе женихи, не хуже его, говорили они, развѣ только не въ такихъ великихъ чинахъ.»

Они умоляли ее спасти себя, и предлагали ей даже выйдти за человѣка, который имѣлъ и прежде на нее виды. Но въ ея жилахъ текла благородная кровь отца, и ихъ рѣчи возбудили въ ней лишь чувство негодованія. Ея слово было неизмѣнно, и сердце не знало минутныхъ привязанностей. «Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, писала она впослѣдствіи, что ничего на то не могла имъ отвѣтствовать».

Она сокрушалась цѣлый день. Вечеромъ пріѣхалъ князь Иванъ Алексѣевичъ. Онъ былъ грустенъ и передалъ молодой дѣвушкѣ подробности о кончинѣ своего покровителя, при которомъ находился до послѣдней минуты. Женихъ и невѣста плакали вмѣстѣ и клялись другъ другу въ неизмѣнной любви. «Я готова была съ нимъ хотя всѣ земныя пропасти пройтить», говоритъ она.

VII.

Судьба Русскаго престола была уже рѣшена. Немедленно послѣ смерти Петра II Верховный совѣтъ собрался для совѣщанія. Нѣсколько лицъ имѣли право на вѣнецъ и ихъ приверженцы предлагали ихъ поочередно. Князь Алексѣй Григорьевичъ имѣлъ дерзость заговорить о своей дочери, на томъ основаніи, что она была обручена съ покойнымъ государемъ. Но на эту выходку никто не обратилъ вниманія, и Совѣтъ предложилъ Императорскій титулъ дочери Царя Іоанна Алексѣевича, Герцогинѣ Аннѣ Іоанновнѣ Курляндской.

Она пріѣхала изъ Курляндіи около половины февраля, остановилась подъ Москвой въ селѣ Всесвятскомъ, и приказала, чтобъ на другой же день похоронили Петра въ Архангельскомъ соборѣ.

Видъ печальной церемоніи оставилъ такое живое впечатлѣніе въ Натальѣ Борисовнѣ, что она не могла вспоминать о ней хладнокровно до послѣднихъ дней своей жизни. Малѣйшія подробности врѣзались глубоко въ ея память, и сорокъ лѣтъ спустя передаетъ ихъ въ своихъ запискахъ уже не графиня Шереметева, не княгиня Долгорукова, а схимонахиня Нектарія *).

Всѣ чины съѣхались съ ранняго утра въ Лефортовскій дворецъ, гдѣ оставалось тѣло Государя. Во главѣ

*) Лишь объ этой печальной процессіи, и объ своемъ обрученіи она сообщаетъ подробности въ своихъ запискахъ.

процессіи шли архіереи, архимандриты, и всѣ духовные чины. Гробъ везли подъ балдахиномъ, и передъ нимъ шелъ князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ. Онъ несъ на подушкѣ кавалерію, и два ассистента поддерживали его подъ руки. Смертельная блѣдность покрывала его лицо: онъ плакалъ. Волосы его были распущены подъ шляпой, обернутой чернымъ флеромъ, и длинная траурная епанча покрывала его. Погребальное шествіе проходило мимо Шереметьевскаго дома. Поровнявшись съ нимъ, молодой человѣкъ поднялъ глаза и остановилъ ихъ на своей невѣстѣ, сидящей подъ окномъ. Въ его плачущемъ взорѣ она прочла глубокое горе. Онъ какъ будто говорилъ ей: «кого погребаемъ? Въ послѣдній, въ послѣдній разъ провожаю!» Сердце въ ней замерло, и она упала безъ чувствъ на окно.

Нѣсколько дней послѣ погребенія, Императрица Анна въѣхала въ Москву.

VIII.

О правительственномъ переворотѣ, который совершился при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, мы говорить не будемъ, и займемся исключительно судьбой семейства Долгоруковыхъ.

Ихъ преслѣдовалъ Биронъ, могучій любимецъ Императрицы. Со дня вступленія на престолъ всѣ предвидѣли ихъ паденіе, и опустѣли ихъ богатыя палаты. Тѣ, которые еще такъ недавно снискивали дружбу и милость любимцевъ Петра II, боялись протянуть имъ теперь руку, и избѣгали ихъ: сношенія съ ними могли показаться преступными.

Положеніе Натальи Борисовны становилось съ каждымъ днемъ труднѣе. Семейство и родственники продолжали ее уговаривать отказаться отъ жениха. Поддержки она не находила ни въ комъ, и постоянная домашняя борьба доводила ее иногда до нервныхъ припадковъ. Наконецъ всѣ убѣдились, что она не перемѣнитъ своего рѣшенія, и принуждены были дать согласіе. Назначили свадьбу на начало апрѣля.

Не походила свадьба на сговоръ, какъ замѣчаетъ сама княгиня. Никто изъ близкихъ не рѣшился проводить ее къ вѣнцу. Графъ Петръ Борисовичъ былъ боленъ оспою, а меньшаго, своего любимца, она старается оправдать тѣмъ, что, боясь заразы, онъ жилъ тогда въ другомъ домѣ.

Долгоруковы проводили лѣто въ подмосковномъ своемъ селѣ Горенкахъ, въ которомъ принимали такъ часто Петра II и которое долго служило цѣлью прогулокъ для москвичей. Тамъ долженъ былъ вѣнчаться князь Иванъ. Наталья Борисовна рѣшилась ѣхать до Горенокъ въ сопровожденіи крѣпостной женщины, но двѣ старушки, отдаленныя родственницы семейства, сжалились надъ одиночествомъ невѣсты и вызвались проводить ее къ вѣнцу. Сердце ея обливалось кровью, когда ей пришлось прощаться съ родимымъ кровомъ, съ семействомъ, съ маленькими сестрами. «Кажется и стѣны дому отца моего помогали мнѣ плакать», говоритъ она. Горько плакали и ея братъ и всѣ домашніе. Наконецъ она вырвалась изъ ихъ объятій, сѣла въ карету съ добрыми старушками, которыя не рѣшились ее покинуть, и съѣхала съ отцовскаго двора, не думая, что не увидитъ его цѣлыхъ десять лѣтъ.

Лихіе кони скоро пробѣжали пятнадцать верстъ, отдѣляющихъ Москву отъ Горенокъ. Вотъ паркъ, вотъ пруды, вотъ великолѣпныя Долгоруковскія палаты. Въ домовой церкви все уже готово для брачнаго обряда, и Наталья Борисовна становится подъ вѣнецъ съ молодымъ княземъ. Съ этого дня она не оставила ничего для себя въ жизни, и все отдала любви, строгому чувству долга и Богу.

IX.

Черезъ три дня послѣ свадьбы, молодые собирались въ Москву, гдѣ должны были ѣхать, по обычаю, къ самымъ близкимъ родственникамъ. Уже нарядилась Наталья Борисовна, и лакеи, въ Долгоруковскихъ ливреяхъ, ждутъ уже, чтобы господа вышли садиться въ карету. Вдругъ доложили о пріѣздѣ сенатскаго секретаря. Семейство смутилось, и не даромъ: секретарь объявилъ, что князю Алексѣю Григорьевичу велѣно указомъ жить съ семействомъ въ Пензенскомъ своемъ имѣніи: выѣхать изъ подмосковной приказано было черезъ три дня.

Это извѣстіе пришлось не по душѣ молодой княгинѣ; однако она не понимала настоящаго его смысла, и попробовала убѣдить свекра и мужа явиться къ государынѣ и оправдаться передъ ней. Видя, что ея слова напрасны, она стала упрашивать мужа ѣхать съ визитами. Ей хотѣлось, можетъ быть безсознательно, показаться въ свѣтъ подъ любимымъ именемъ любимаго человѣка: молодость брала свое. Князь Иванъ согласился, и они начали свадебные визиты съ его роднаго дяди.

У него они узнали, что онъ самъ и другіе члены семейства получили также повелѣніе ѣхать въ отдаленныя имѣнія. Не оставалось болѣе сомнѣній: весь родъ Долгоруковыхъ былъ подъ опалой.

Молодые поспѣшили вернуться въ Горенки. Тамъ шла страшная суматоха: всѣ укладывались. Каждый увозилъ

съ собой все, что у него было дорогихъ вещей. Но для Натальи Борисовны одно лишь было дорого: она ходила шагъ за шагомъ за мужемъ и не спускала съ него глазъ. Она плакала при мысли, что ей должно оторваться отъ всѣхъ своихъ, и страшно ей было ѣхать въ такую даль съ людьми, къ которымъ не успѣла еще привыкнуть. Она была почти всѣмъ имъ младшая, и знала, что ей придется подчиняться ихъ взысканіямъ, а семейство было большое: свекоръ, свекровь, три деверя: и три золовки. Кромѣ того, положеніе молодой было уже потому тяжело, что Алексѣй Григорьевичъ не любилъ ея мужа, но она мирилась со всѣмъ, шла на все, лишь бы ей только раздѣлить участь князя Ивана.

Графъ Петръ Борисовичъ, узнавши о случившемся, прислалъ своей сестрѣ тысячу рублей. Эти деньги показались ей такимъ значительнымъ капиталомъ, что она удержала у себя меньше половины, а остальныя возвратила брату. Она отослала къ нему все свое богатое приданое, и оставила себѣ лишь необходимое для дороги, а изъ цѣнныхъ вещей золотую табакерку, подаренную ей покойнымъ императоромъ.

Никто не проводилъ опальныхъ, никто не пріѣхалъ съ ними проститься. Одни не успѣли, другіе побоялись. Лишь иностранка, которая воспитывала Наталью Борисовну, и крѣпостная женщина, провожавшая до Горенокъ сиротливую невѣсту, просили позволенія ѣхать съ нею.

X.

Впродолженіи трехъ дней шли въ Горенкахъ хлопотливыя приготовленія къ отъѣзду. Укладывали сундуки и нагружали возы; люди суетились и бѣгали взадъ и впередъ по дому. Алексѣй Григорьевичъ не удѣлилъ сыну надлежащей части имѣнія, и князь Иванъ, какъ человѣкъ женатый, и въ особенности какъ не любимый отцомъ, ѣхалъ на свой собственный счетъ. Съ нимъ было десять человѣкъ прислуги и пять верховыхъ лошадей. Его отецъ бралъ также для себя и для остальныхъ членовъ семейства, верховыхъ лошадей, стаю гончихъ и около ста человѣкъ прислуги. Огромный обозъ долженъ былъ слѣдовать за экипажами.

Наконецъ поднялись съ мѣста, но не въ добрый часъ. Добравшись до Коломны, путешественники остановились, чтобы отдохнуть и пообѣдать. Тамъ ихъ настигъ капитанъ гвардіи съ императорскимъ указомъ: приказано было снять ордена съ князей Долгоруковыхъ. Биронъ любилъ унижать своихъ враговъ, онъ потѣшался надъ своими жертвами, какъ кошка пойманной мышью: онъ замучилъ ихъ не вдругъ.

Ссыльные поѣхали дальше. Всѣ знаютъ, каковы и теперь наши дороги въ первой половинѣ апрѣля: глубокая грязь и разлитіе рѣкъ. Городскіе кучера, которые сбивались то и дѣло съ дороги, подвергали путешественниковъ ежеминутной опасности. Разъ ихъ настигла ночь

среди поля. Никто не зналъ куда ѣхать, да и не было возможности ѣхать. Измученныя лошади едва переступали подъ тяжестiю высокихъ экипажей. Принуждены были остановиться. Поставили палатки, развели огонь и подали ужинъ. Мѣсто было болотистое; росшiй кругомъ полевой чеснокъ заражалъ воздухъ тяжелымъ запахомъ, отъ котораго разболѣлись у всѣхъ головы, и пронзительная сырость поднималась надъ болотомъ. Послѣ ужина всѣ улеглись въ мокрыя постели, а на другой день башмаки молодой княгини оказались полны воды.

Много лишенiй видѣла Наталья Борисовна впродолженiи этого пути, и много испытывала страха. Въ одинъ вечеръ семейство собралось ночевать около берега рѣки у маленькой деревушки. Лишь только поставили палатки, явились крестьяне и бросились въ ноги путешественникамъ, умоляя ихъ о защитѣ.

«Около насъ ходятъ разбойники на добычу», говорили они, «на этой недѣлѣ они ограбили сосѣднюю деревню и зажгли ее, а сегодня подкинули письмо, въ которомъ обѣщаютъ, что и нашу подожгутъ и перебьютъ насъ всѣхъ. Помогите намъ!» Сами крестьяне приготовили топоры, и семейство не ложилось во всю ночь: лили пули, заряжали ружья, и готовились къ оборонѣ. Молодая княгиня дрожала отъ страха: о разбойникахъ она могла знать лишь по разсказамъ мамушекъ и нянекъ, и врядъ ли ей думалось до тѣхъ поръ, что придется ихъ видѣть. Но теперь сердце ея замирало при мысли, что она сама и ненаглядный ея князь могутъ сдѣлаться, черезъ нѣсколько часовъ, ихъ жертвами. Темнота наводила на нее

ужасъ, и ей казалось, что ночь длится безконечно. «Чего же мнѣ эта ночь стоила, говоритъ она, не знаю, какъ я ее пережила».

И дѣйствительно трудно себѣ представить, какъ и пережила шестнадцатилѣтняя женщина, изнѣженная въ Шереметевскихъ палатахъ. Не вздохнула ли о нихъ Наталья Борисовна? Сидя, блѣдная отъ страха, подъ темной палаткой, гдѣ съ минуты на минуту могъ завязаться кровавый бой, пожалѣла ли она о своей веселой дѣвичьей свѣтлицѣ? Вздохнула ли о будущности, которая ожидала ее, красивую и знатную дѣвушку, еслибъ она покорилась желанію своего семейства? Нѣтъ она шла бодро и твердо, куда Богъ ее велъ, и въ самыхъ тяжкихъ испытаніяхъ не раскаявалась никогда въ добровольномъ выборѣ судьбы.

Однако разбойники не показывались, и когда загорѣлась заря, прислуга свернула палатки, запрягли лошадей, и къ неописанной радости княгини продолжали путь.

Князь Алексѣй Григорьевичъ и его сыновья были страстные охотники: поѣздъ останавливался часто у опушки лѣса, Долгорукіе и ихъ люди садились на лошадей и пускали гончихъ. Чтобъ поохотиться на свободѣ и отдохнуть послѣ трехнедѣльнаго пути, ссыльные остановились около Касимова *), гдѣ у нихъ было имѣніе. Княгиня очень обрадовалась отдыху и даровому продо-

---

*) Въ Рязанской губерніи.

вольствію для лошадей. Путешествіе требовало большихъ издержекъ: надо было покупать на каждой станціи овесъ и сѣно, и денежныя ея средства значительно истощились.

XI.

Наталья Борисовна успѣла убѣдиться, что мужъ ея не пользовался завиднымъ положеніемъ въ семействѣ: никто не заботился ни о немъ, ни объ его женѣ, ни объ его дѣлахъ. Отчужденіе отъ него всѣхъ ему близкихъ выказывалось даже въ мелочахъ. Такъ, напримѣръ, во время путешествія, когда ставили палатки для ночлега, самыя удобныя мѣста принадлежали старой Долгоруковской четѣ, княжнамъ и холостымъ князьямъ, а палатку молодыхъ раскидывали, гдѣ попало. Словомъ, доля Ивана Алексѣевича была не доля сына, а доля пасынка.

Не много удобства нашелъ онъ и въ касимовскомъ имѣніи. Тамъ былъ выстроенъ большой домъ при господской усадьбѣ, и все семейство могло бы въ немъ помѣститься, если бы кто нибудь согласился потѣсниться немного. Но кто же стѣснялся для князя Ивана и его жены? И приказано было отвести имъ сѣновалъ котораго нибудь изъ крестьянъ.

Не привыкла Наталья Борисовна къ такой спальной, но послѣ стольких волненій и послѣ страха, испытаннаго на долгомъ пути, она вздохнула свободнѣе при мысли, что не скоро придется ей пуститься опять въ

дорогу, и обрадовалась сѣновалу какъ завидному пристанищу. Май сіялъ всей своей красой въ лѣсахъ и лугахъ. Здѣсь Наталья Борисовна можетъ подышать полевымъ воздухомъ и вмѣстѣ съ своимъ княземъ наслаждаться весной, и забыть, хотя на время, пережитое горе. Утомленное ея тѣло и наболѣвшая ея душа требовали одинаково покоя. И живетъ и отдыхаетъ она въ Селищѣ *), но судьба готовила ей новый ударъ: Биронъ не забывалъ своихъ враговъ.

Разъ, — это было во второй половинѣ іюня, — опальное семейство только что отобѣдало, и княгиня, вставши изъ за стола, сѣла подъ окно, откуда открывался видъ на большую дорогу. Вдали подымались облака пыли и сквозь ихъ туманъ показались парныя телѣги, а за ними ѣхала коляска. Весь этотъ поѣздъ направлялся къ Селищу. Испуганное семейство бросилось къ окну. Въ колядкѣ сидѣлъ офицеръ, въ телѣгахъ солдаты. Не вспомнила себя отъ страха Наталья Борисовна и упала безъ чувствъ.

Офицеръ вошелъ въ домъ съ своей командой; и объявилъ, что князей Долгоруковыхъ приказано отправить, подъ крѣпкимъ карауломъ, въ отдаленный городъ, но какой именно, о томъ они узнаютъ, лишь когда доѣдутъ до мѣста ссылки.

Неизвѣстность—самое мучительное чувство для человѣческаго сердца. Князь Алексѣй Григорьевичъ не могъ его вынести; онъ отвелъ въ сторону офицера и умолялъ его открыть

*) Имѣніе князей Долгоруковыхъ.

ему истину: гдѣ должны доживать свои горькіе дни бывшіе царскіе любимцы, первые сановники государства? Какое мѣсто ссылки имъ назначено? Офицеръ колебался: ему была предписана строгая тайна, а какъ ослушаться приказаній Бирона? Наконецъ чувство состраданія взяло верхъ надъ страхомъ, и онъ произнесъ роковое слово: Березовъ.

XII.

Березовъ выстроенъ на сѣверѣ Сибири, въ Тобольской губерніи, на островѣ, образуемомъ рѣками Сосвою и Вогулкою. Климатъ страны самый суровый, морозы достигаютъ часто до сорока градусовъ, а зима длится восемь мѣсяцевъ, и дуетъ постоянно пронзительный сѣверный вѣтеръ. Денной свѣтъ въ ноябрѣ и декабрѣ проглядываетъ лишь съ десяти часовъ, а въ три уже замѣненъ тьмой. Весной и осенью подымаются съ болотистой почвы туманы и стоятъ густымъ облакомъ въ воздухѣ, а лѣто продолжается не болѣе трехъ недѣль. Промерзлая земля оттаиваетъ лишь на три четверти аршина и ничего не производитъ кромѣ непроходимыхъ хвойныхъ лѣсовъ. Темная ихъ зелень, почти постоянно покрытая инеемъ, наводитъ тоску на душу. Жителей въ Березовѣ считается до сихъ поръ не болѣе полуторы тысячи человѣкъ. Нрава они угрюмаго какъ ихъ страна, и напоминаютъ дикія племена. Они не знаютъ ни торговли, ни промыш-

ленности, питаются добычею охоты и рыбой, которую ѣдятъ сырую; одѣваются въ оленьи кожи, и ѣздятъ на собакахъ. Самый городъ походитъ на село: онъ застроенъ кедровыми избами, и въ окна вставлены вмѣсто стеколъ обточенныя льдины.

Тамъ должны были содержаться въ острогѣ князья Долгоруковы. Все ихъ имущество было отписано въ казну. Имъ выдавалось самое скудное содержаніе, и переписки имъ не дозволялось вести ни съ кѣмъ.

XIII.

Когда Наталья Борисовна открыла глаза, комната была полна солдатъ и въ домѣ царствовала страшная тревога. Плачущіе дворовые обнимали колѣна своихъ господъ, вездѣ раздавался скорбный стонъ женщинъ. Княгиня не смѣла спросить о случившемся; болѣе всего ее страшила мысль, что ее разлучатъ съ мужемъ: она схватила его за полу камзола и не отпускала отъ себя.

Между тѣмъ ко всѣмъ дверямъ приставлены часовые съ ружьями и приказано закладывать экипажи, а бѣдная женщина все сидѣла, ни жива ни мертва, на своемъ мѣстѣ. Но видя приготовленія къ отъѣзду, она просила позволенія идти на сѣновалъ, служившій ей спальнею, и уложить свои вещи. Ей было не до укладки, но она надѣялась, что останется наединѣ съ мужемъ и узнаетъ отъ него, какое неожиданное несчастіе ихъ постигло. Ея

надежда была обманута: князь Иванъ, съ разрѣшенія офицера, проводилъ жену до сарая, но два солдата пошли за ними. Однако время было дорого: всѣ уже собрались и сѣли въ экипажи. Княгиня забрала наскоро свои вещи, и бросилась съ мужемъ въ карету *).

Офицеръ съ своей командой поѣхалъ за ссыльнымъ семействомъ. Этотъ быстрый отъѣздъ, этотъ караулъ повергали въ ужасъ и тоску сердце Натальи Борисовны; она стала разспрашивать князя, лишь только карета покатилась по дорогѣ, и узнала отъ него истину. Рѣдко случалось, чтобъ молодая женщина плакала въ присутствіи мужа; какъ бы ни было грустно у нея на сердцѣ, она старалась сохранить спокойное выраженіе лица, чтобъ поддержать бодрость своего друга. Но въ эту минуту нервы шестнадцатилѣтняго ребенка не выдержали потрясенія, и отчаяніе ея высказалось потоками слезъ. Она вспомнила о всѣхъ, кого любила и кого лишилась на вѣкъ.

«Не узнаютъ они о моей судьбѣ, говорила она, и своего горя я съ ними не подѣлю, а можетъ быть имъ скажутъ, что меня нѣтъ уже въ живыхъ».

Сердце ея надрывалось отъ рыданій, и не скоро удалось князю Ивану успокоить ее своими ласками и нѣжными словами.

---

*) По подлинному дѣлу князей Долгоруковыхъ семейство выѣхало изъ Селища 20 іюня, т. е. прожило въ имѣніи мѣсяца полтора, а княгиня говоритъ, что они жили въ Селищѣ не болѣе трехъ недѣль. Но свои записки она составляла въ старости, и понятно, что послѣ стольких лѣтъ память могла ей измѣнить.

Послѣ часовой ѣзды остановились въ Касимовѣ по приказанію офицера, и князьямъ Долгоруковымъ была немедленно отведена квартира, на которой они простояли нѣсколько дней. У нихъ отняли даже грустное утѣшеніе—оплакивать вмѣстѣ общее горе, потому что у дверей стояли день и ночь часовые. Между тѣмъ изготовляли около Оки барку, на которой ссыльные должны были плыть до Соликамска. Имъ оставляли десять человѣкъ мужской прислуги, и позволили каждой изъ женщинъ держать при себѣ горничную. Княжны потребовали, чтобъ ихъ невѣстка отослала свою и взяла въ услуженіе одну изъ ихъ дворовыхъ. Тяжело было это испытаніе для добровольной изгнанницы, которая понесла уже столько утратъ, однако надо было повиноваться. Ея горничная впала въ совершенное отчаяніе, когда узнала, что придется ей разставаться съ своей боярыней, и плакала навзрыдъ. Но ея слезы не тронули молодыхъ княженъ и онѣ не перемѣнили своего рѣшенія.

Новое еще горе ожидало Наталью Борисовну: иностранка, воспитавшая ее, не могла слѣдовать за нею дальше: она знала, что будетъ не въ силахъ вынести суровости сибирскаго климата и всѣхъ лишеній острога. Но добрая душа пеклась, до послѣдней минуты, о дѣвочкѣ, повѣренной ей умирающею матерью, и хлопотала постоянно о ней впродолженіи пребыванія въ Касимовѣ. Она ходила каждый день на барку, которая дожидалась Долгоруковыхъ и устроивала ее какъ можно удобнѣе для своей воспитанницы. Ея каюту она разгородила на двое, поставила надъ ней павильонъ, обила сама стѣны, чтобъ

предохранить отъ простуды свое милое изнѣженное дитя, и оплакала каждый уголокъ.

Настал горькій день разлуки, пришлось бѣдной княгинѣ прощаться съ послѣдними лицами, къ которымъ она была привязана съ дѣтства, съ послѣдними, которыя напоминали ей о родимомъ кровѣ, о матери, о семействѣ. Они проводили ее въ горькихъ слезахъ до пристани. Наталья Борисовна истратила всѣ деньги, увезенныя ею изъ Москвы; ея воспитательница отдала ей всю свою казну, состоявшую изъ шестидесяти рублей, и дочь графа Шереметева приняла эту лепту съ глубокимъ чувствомъ благодарности. Горячими слезами, горячими словами благодарила она добрую женщину за столько лѣтъ любви и попеченія, и онѣ обнялись въ послѣдній разъ». Ухватились мы другъ другу за шею, писала впослѣдствіи княгиня, и такъ руки мои замерли, и я не помню, какъ меня съ нею растащили».

Опомнилась она въ своей каютѣ. Мужъ держалъ ее за руки, и старался всячески привести въ чувство. Она вскочила и бросилась на палубу. Хотѣлось ей взглянуть еще разъ на своихъ; но передъ ея глазами бѣжали волны и лишь чернѣлъ вдали пустынный берегъ.

XIV.

Когда вѣтеръ волновалъ рѣку, Наталья Борисовна такъ страдала, что ее выносили не разъ, лишенную чувствъ, на палубу, гдѣ она лежала покрытая шубою, и приходила въ себя, лишь когда наступало затишье. Но какъ только проглядывало солнце, она садилась подъ окно своей каюты, глядѣла на бѣгущую волну, думала о своихъ и плакала. Часто она нагибалась къ водѣ и перемывала свои платки. «А иногда, говоритъ она, куплю осетра, и на веревку его; онъ со мной рядомъ плыветъ, чтобъ не я одна невольница была и осетръ со мной».

Она разсказываетъ о страхѣ, который испытала въ продолженіи пути. Въ одну темную, бурную ночь сильныя волны колыхали барку. Неопытные кормчіе плыли по вѣтру и призывали Бога на помощь. Пробовали бросить якорь среди рѣки: якорь былъ оторванъ. Барка начала наполняться водой, которую всѣ выкачивали общими силами. Но экипажъ, загнанный внезапно бурей и волнами въ узкій заливъ, ударился такъ сильно о землю, что никто не устоялъ на ногахъ. Раздались со всѣхъ сторонъ отчаянные крики. Однако барка не разшиблась, а увязла между береговъ. Народъ со временъ глубокой древности молится Николаю чудотворцу о спасеніи отъ бѣдъ на водѣ: у работниковъ была икона угодника; ее вынесли на палубу и всѣ соединились въ общей молитвѣ. На одномъ изъ береговъ возвышался березникъ, и вдругъ

Наталья Борисовна и ея спутники видятъ, при блѣдномъ свѣтѣ зари, что деревья начинаютъ медленно склоняться, и вмѣстѣ съ почвой, на которой росли они, повергаются шумно въ рѣку. Барка, отъ сотрясенья, была приподнята кверху какъ мячикъ, брошенный рукой ребенка. Потомъ рухнула въ воду еще и еще глыба земли, и наконецъ вѣтеръ утихъ, и освобожденный экипажъ поплылъ далѣе.

Арестанты, какъ ихъ называли теперь, плыли больше мѣсяца до Соликамска, гдѣ сѣли на подводы *). Пришлось ѣхать триста верстъ высокими горами осыпанными дикимъ камнемъ. Дорога была проложена между рвами, заросшими лѣсомъ, и въ иныхъ мѣстахъ оказывалась такъ узка, что были принуждены закладывать повозки гуськомъ. Натальѣ Борисовнѣ казалось на каждой минутѣ, что лошади оборвутся, и увлекутъ экипажъ въ ровъ. Утомленіе и страхъ дѣйствовали на нее разрушительно, и она умоляла нѣсколько разъ, чтобъ остановились и дали ей перевести духъ. Но командиру приказано было торопиться, и ѣхали день и ночь. Наступала уже осень: лили по цѣлымъ часамъ холодные дожди, и путешественники, въ открытыхъ экипажахъ, промокали до костей. Край былъ пустынный, лишь черезъ каждые сорокъ верстъ стояли маленькіе домики для проѣзжихъ, семейство въ нихъ отдыхало, пока перепрягали или кормили лошадей. Но не возможно было всѣмъ отогрѣваться разомъ около огня, пылающаго въ печкѣ тѣсной избы;

---

*) Изъ Касимова до Соликамска они плыли Окой, Волгой и Камой.

очередь не доходила никогда до нашихъ молодыхъ, и княгиня сокрушалась не о себѣ, но о горькой долѣ своего мужа.

Такъ доѣхали они до Тобольска, гдѣ новый командиръ замѣнилъ офицера, провожавшаго ихъ изъ Селища. Офицеръ былъ добрый человѣкъ: глубокое чувство состраданія привязало его къ несчастнымъ, и онъ плакалъ, разставаясь съ ними.

«Много натерпитесь вы горя, говорилъ онъ, долженъ я васъ сдать человѣку грубому: не пожалѣетъ онъ васъ».

И дѣйствительно, командиръ былъ ничтожный чиновникъ, который обрадовался возможности унизить знаменитый княжескій родъ. Онъ не понималъ высокаго нравственнаго изрѣченія: «лежачаго не бьютъ», и много мелкихъ обидъ должны были выносить отъ него опальные. Но самое горькое время было для нихъ впереди.

Въ Тобольскѣ они сѣли опять на барку и плыли цѣлый мѣсяцъ *). Наконецъ въ послѣднихъ дняхъ угрюмаго сентября увидали они пустынный островъ. Сквозь покрывающій его туманъ чернѣлъ сосновый боръ. То былъ Березовъ **).

XV.

Березовскіе жители разсказывали, что не минуло еще года, какъ умеръ въ ихъ городѣ ссыльный, бывшій когда-то первымъ сановникомъ государства. Его привезли

*) Изъ Тобольска они плыли Иртышемъ, Обью и наконецъ Сосвою.

**) Изъ Касимова они выѣхали 24 іюня, а 24 сентября доѣхали до Березова.

подъ крѣпкимъ карауломъ въ Березовъ, гдъ онъ прожилъ цѣлыхъ два года, и удивлялъ всѣхъ своимъ благочестіемъ и христіанскимъ смиреніемъ. Этотъ ссыльный былъ никто иной какъ свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ.

Его судьба была тѣсно связана съ судьбой Долгоруковыхъ и мы скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Меншиковъ, сынъ придворнаго конюха, торговалъ пирогами въ своей молодости. Природа его одарила счастливой наружностію: онъ былъ высокаго, стройнаго роста и худощавъ; правильныя черты лица и живые глаза его поражали выраженіемъ бойкости и ума. Съ перваго взгляда онъ понравился Петру Великому, который приблизилъ къ себѣ *Алексашку*, какъ его звали тогда. Скоро Петръ полюбилъ его за силу и твердость характера, за проницательность ума, за ловкость, съ которой онъ начиналъ и завершалъ всякое порученное ему дѣло. Молодой любимецъ постигъ надежды, которыя царь возлагалъ на Россію, усвоилъ себѣ его понятія, оказался дѣятельнымъ ему помощникомъ, и въ нашей борьбѣ со шведами обнаружилъ замѣчательныя военныя способности. Съ своей стороны Петръ умѣлъ цѣнить людей и награждать заслуги, и бывшій пирожникъ скоро пошелъ въ гору. Онъ получилъ Андреевскій орденъ, былъ возведенъ въ достоинство графа Римской Имперіи, произведенъ генералъ-губернаторомъ Ингерманландіи, съ титуломъ свѣтлѣйшаго князя Ижорскаго, и наконецъ на поляхъ Полтавы, гдѣ онъ принималъ живое участіе въ битвѣ, государь поздравилъ его генералъ-фельдмаршаломъ.

Ничто не обличало въ немъ его незнатнаго происхожденія. Онъ умѣлъ, благодаря своей гибкой и воспріимчивой природѣ усвоить себѣ до такой степени привычки и обычаи своего новаго положенія, что принималъ иностранныхъ пословъ съ умѣньемъ и увѣренностію человѣка, рожденнаго для власти, и они говорили съ удивленіемъ о его великолѣпіи и изяществѣ. Палаты его, выстроенныя на Васильевскомъ островѣ, были окружены паркомъ для охоты и садами. Неву, на которой не было еще воздвигнуто мостовъ, князь переѣзжалъ въ большой позолоченной лодкѣ. Ею управляли до двадцати четырехъ гребцовъ, и скамьи ея были обиты зеленымъ бархатомъ. На берегу позолоченная, украшенная княжескимъ гербомъ, карета, которой искусный мастеръ придалъ форму открытаго вѣера, ожидала его свѣтлость. Она была заложена въ шесть лошадей, которыя отличались и своей красотой, и богатствомъ чепраковъ, вышитыхъ серебромъ и золотомъ. Впереди экипажа шли гайдуки; за ними красовались верхомъ два пажа въ синихъ бархатныхъ платьяхъ. По обѣимъ сторонамъ кареты, скакали двое молодыхъ людей, выбранныхъ изъ дворянъ и служившихъ при князѣ, и шесть верховыхъ драгуновъ замыкали поѣздъ.

Но чѣмъ выше поднимался Меншиковъ, чѣмъ огромнѣе становилось его богатство, тѣмъ болѣе разыгрывались въ немъ честолюбіе и корысть. Его не удовлетворяли всѣ почести, которыми онъ былъ осыпанъ, не удовлетворяло имѣніе, въ которомъ считалось до ста тысячъ душъ. Свою власть онъ употреблялъ во зло и тратилъ, не стѣсняясь, казенныя деньги. Не разъ навлекалъ онъ на

себя гнѣвъ Петра и попалъ даже подъ судъ. Онъ стоялъ на краю гибели, но судьба видимо ласкала его: прежнія его заслуги и привязанность къ нему Императора постоянно его выручали.

Послѣ кончины своего покровителя онъ пользовался также неограниченной довѣренностію императрицы Екатерины I-й, и впродолженіи двухъ-лѣтняго ея царствованія правилъ нераздѣльно государствомъ. Но ему захотѣлось расширить еще свою власть; ничто его не останавливало и онъ задумалъ возвести свой родъ на Россійскій престолъ. Для достиженія этой цѣли онъ нашелъ себѣ мощныхъ союзниковъ въ иностранныхъ дворахъ и вслѣдствіе искусныхъ происковъ убѣдилъ Екатерину назначить себѣ наслѣдникомъ, помимо ея собственныхъ дочерей, малолѣтняго Петра II, сына ея пасынка, и обязать его жениться на княжнѣ Маріи Александровнѣ, дочери свѣтлѣйшяго князя Меншикова. Екатерина согласилась и подписала духовное завѣщаніе, за нѣсколько дней до своей смерти.

И все приближался къ престолу, и все шелъ впередъ, не оглядываясь —

— «Счастья баловень безродный
Полудержавный властелинъ.»

Но счастіе измѣнило ему наконецъ.

До совершеннолѣтія царя правленіе государства было повѣрено Верховному Совѣту, состоявшему изъ девяти членовъ. Меншиковъ находился между ними и съумѣлъ пріобрѣсти немедленно положеніе первенствующаго. Онъ

требовалъ и добился отъ всѣхъ безпрекословной покорности. Кто осмѣлился бы войти съ нимъ въ борьбу? Кто осмѣлился бы возвысить голосъ противъ будушаго тестя императора? Императоромъ и Россіей онъ хотѣлъ завладѣть безраздѣльно; управлялъ одинъ внутренними дѣлами и внѣшними сношеніями, и распоряжался безотчетно казной. Его надменности, его дерзости не стало границъ; все смолкло передъ нимъ, и съ каждымъ днемъ росла его власть и общая къ нему ненависть.

Съ цѣлью отдалить отъ государя всякое постороннее вліяніе, онъ, немедленно послѣ смерти Екатерины, перевезъ его въ свой домъ и окружилъ строгимъ надзоромъ. Запуганный мальчикъ покорялся всему, но не терпѣлъ ни Меншикова, ни его дочери. Однако, когда свѣтлѣйшій объявилъ ему, вскорѣ послѣ его воцаренія, что онъ долженъ обручиться съ невѣстой, Петръ не могъ противиться и обмѣнялся съ ней обручальнымъ кольцомъ.

Невозможно было, однако, оставить Петра въ совершенномъ одиночествѣ, и къ нему былъ допущенъ товарищъ и пріятель перваго дѣтства, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ. Молодой государь скучалъ, тяготился своей неволей, необходимостью вѣчно подчиняться ненавистному человѣку и высказался откровенно своему другу. Князь Иванъ былъ восемью годами старше его, ясно понималъ то, что было недоступно ребенку, и открылъ ему глаза на счетъ его положенія. Съ какого права Меншиковъ забралъ себѣ такую неограниченную власть? Что упрочило ее за нимъ? Кто признанъ императоромъ? Кому присягали чины? Не Петру ли досталось наслѣдіе его

великаго дѣда? Или Петръ не самодержецъ—и не достаточно его слова, чтобы низвергнуть Меншикова, чтобы разбить его власть, какъ тотъ же Петръ, въ порывѣ досады, разбиваетъ свои игрушки?

Лишь только эти мысли запали въ голову мальчика, онъ сознагъ свою силу, и не долго искалъ средства освободиться отъ ига. Немедленно представился удобный случай: цехъ петербургскихъ каменьщиковъ поднесъ ему 3,000 червонныхъ, которые онъ послалъ въ подарокъ своей сестрѣ. Меншиковъ встрѣтился съ его посланнымъ, узналъ отъ него, въ чемъ дѣло, и приказалъ отнести деньги въ свой кабинетъ, прибавляя, что Императоръ слишкомъ еще молодъ, чтобъ распоряжаться такой суммой. Когда Петръ объ этомъ узналъ, то не вспомнилъ себя отъ гнѣва, бросился къ Меншикову, и спросилъ у него голосомъ, дрожащимъ отъ внутренняго волненія, какъ онъ смѣлъ помѣшать исполненію его приказаній. Свѣтлѣйшій князь такъ привыкъ къ безмолвной покорности будущаго зятя, что былъ пораженъ этой выходкой какъ громовымъ ударомъ, растерялся совершенно и старался оправдать свой поступокъ. Но Петръ топнулъ ногой, и крикнулъ: «Я тебя научу, что я Императоръ и что ты долженъ повиноваться!» Съ этими словами онъ повернулся къ нему спиной и вышелъ, а Меншиковъ послѣдовалъ за нимъ и старался всячески его успокоить.

Съ этой минуты князь сталъ осторожнѣй; за то Петръ, испытавши свою силу, сталъ смѣлѣй; и освобождался все болѣе и болѣе отъ тяжелой опеки. Не предупреждая Меншикова, онъ проводилъ цѣлые дни на охотѣ или въ

прогулкахъ съ князьями Долгоруковыми, которые понимали, что борьба въ разгарѣ и что надо ковать желѣзо, пока оно горячо. Они старались всячески поддерживать непріязнь государя противъ Меншикова и добились паденія временщика.

Петръ жилъ у Меншикова уже четыре мѣсяца. Разъ, собираясь на охоту съ своими веселыми товарищами, онъ отдалъ приказаніе убрать для себя лѣтній дворецъ, потому что въ домъ своего будущаго тестя уже не намѣренъ возвратиться.

Дворецъ надо было убрать императорскими вещами, находившимися въ палатахъ Менщикова, который узналъ о распоряженіи государя, лишь когда за ними пріѣхали. Свѣтлѣйшій князь понялъ, что звѣзда его поблекла и пришелъ въ совершенное отчаяніе. Онъ сробѣлъ передъ этой выходкой мальчика, которому не минуло еще двѣнадцати лѣтъ, какъ, можетъ быть, не робѣлъ никогда передъ грознымъ его дѣдомъ. Не успѣлъ онъ еще опомниться, когда явился къ нему генералъ-лейтенантъ Салтыковъ, съ объявленіемъ ареста. Князь Александръ Даниловичъ упалъ въ обморокъ: ему пустили кровь, и лишь только онъ пришелъ въ себя, жена его, добрая и достойная женщина *), вмѣстѣ съ сыномъ и сестрой поспѣшила во дворецъ. Императоръ былъ у обѣдни. Когда онъ возвратился, княгиня встрѣтила его на колѣняхъ, но онъ не обратилъ на нее вниманія. Напрасно бросалась она отъ одного къ другому: никого не тронули ея

*) Дарья Михайловна, рожденная Арсеньева.

слезы. Наконецъ она возвратилась въ отчаяніи домой. Между тѣмъ Салтыковъ вручилъ Императору умоляющее письмо отъ арестанта: письмо осталось безъ отвѣта.

На другой день Меншиковъ былъ лишенъ чиновъ и орденовъ и получилъ приказаніе ѣхать немедленно въ свое Рязанское имѣніе.

Въ тотъ же вечеръ онъ оставилъ Петербургъ. Народъ останавливался на улицахъ, чтобъ взглянуть на огромный поѣздъ. Впереди ѣхали четыре кареты шестериками: въ нихъ сидѣла вся семья Меншикова съ его домочадцами и двумя служанками. Всѣ были въ траурѣ. За экипажами ѣхала свита въ 120 человѣкъ.

Александръ Даниловичъ прожилъ семь мѣсяцевъ въ своемъ имѣніи. По прошествіи этого времени онъ былъ лишенъ своего состоянія и отправленъ въ Березовъ съ своей женой и дѣтьми. На каждаго изъ ссыльныхъ и на ихъ прислугу отпускалось изъ казны по 6 рублей въ день.

Когда свѣтлѣйшій князь обручалъ свою дочь съ Русскимъ Императоромъ, то отдалъ приказаніе, чтобъ въ календарѣ будущаго 1728 года онъ самъ и его семейство были причислены къ царствующему дому. Кто бы сказалъ ему тогда, что въ этомъ самомъ году онъ явится нищимъ, опальнымъ и ссыльнымъ въ отдаленный Березовъ!

Страшно было паденіе, но оно совершило благотворный переворотъ въ душѣ Меншикова. Горе его смягчило и возвысило нравственно. Онъ показалъ съ первой минуты изумительную твердость духа, но жена его не

выдержала удара, занемогла дорогой отъ тоски и слезъ, и скончалась въ небольшомъ селѣ около Казани. Тамъ ее похоронили, и съ тѣхъ поръ никто не плакалъ и не молился надъ ея могилой, и врядъ ли можно теперь отыскать на сельскомъ кладбишѣ эту скромную могилу женщины, которая жила среди такой роскоши и такого блеска.

Меншиковъ съ сыномъ и двумя дочерьми продолжалъ свой грустный путь. Рѣзокъ былъ переходъ изъ роскошныхъ палатъ на полудикій островъ, но падшій вельможа принялъ свое несчастіе съ мужествомъ и христіанской доблестію. Онъ искупилъ прежнюю жизнь и смылъ всѣ пятна съ совѣсти. Въ своихъ дѣтяхъ, невинныхъ жертвахъ его ошибокъ, онъ поддерживалъ твердость и вѣру, и снискалъ любовь тѣхъ изъ Березовскихъ жителей, съ которыми сводилъ его случай. Разсказываютъ, что разъ пришелъ къ нему священникъ и хотѣлъ уйдти послѣ короткаго посѣщенія.

«Посиди, батюшка, сказалъ ему князь, посиди пожалуйста, и побесѣдуемъ. Было время, прибавилъ онъ, когда всѣ придворные бояре ждали въ моей передней, чтобъ я ихъ принялъ.... а ты простой человѣкъ и я тебѣ радъ.»

Онъ слушалъ, каждый день, обѣдню, пѣлъ на клиросѣ, читалъ апостолъ, и говорилъ иногда, послѣ службы, проповѣдь, имъ же сочиненную. Лишь только проглядывала заря, онъ приходилъ на крутой берегъ Сосвы, брался за топоръ, и съ помощію своей прислуги выстроилъ себѣ небольшой домъ. Потомъ онъ принялся за постройку

церкви. *) Въ досужные часы Меншиковъ диктовалъ дѣтямъ свои воспоминанія, но къ несчастію драгоцѣнная рукопись пропала.

Судьба жестоко испытала ссыльнаго. Живо было еще горе, вызванное потерею жены, когда занемогла его дочь, бывшая невѣста Императора. Въ Березовѣ не оказалось медика, и болѣзнь быстро развилась. Меншиковъ, глубоко привязанный къ дочери, ходилъ за ней съ женской заботливостію, однако спасти ее не могъ. Она умерла у него на рукахъ, и онъ самъ вырылъ ей могилу, самъ опустилъ гробъ въ землю. Но не долго оплакивалъ онъ эту новую утрату: прошло нѣсколько недѣль, и рыли уже для него могилу около церкви, имъ же выстроенной.

Лишь дошло до Петербурга извѣстіе о его смерти князь Шаховской, отдаленный родственникъ его жены, исходатайствовалъ у Бирона позволеніе дѣтямъ Меншикова возвратиться въ Россію.

Въ 1827 году Долгоруковы смѣнили при дворѣ семейство Меншикова, а въ 1830-мъ они смѣнили его въ Березовѣ. **)

---

*) Она сгорѣла въ 1765 году.

**) Указъ о ссылкѣ Меншикова въ Березовъ отъ 9-го Апрѣля 1727 года, а указъ о ссылкѣ Долгоруковыхъ въ Пензенское имѣніе, до котораго они не доѣхали, а повернули на Березовъ, отъ 9-го Апрѣля 1730 года.

XVI.

Въ Березовскомъ острогѣ, окруженномъ высокими стѣнами, былъ отведенъ для князей Долгоруковыхъ довольно просторный, одноэтажный, деревянный домъ. При немъ находилась отдѣльная кухня, и кромѣ того баня, до такой степени необходимая нашимъ предкамъ, что даже заключеннымъ не отказывали въ наслажденіи *попариться* по Русскому обычаю. А по обычаю, принятому въ семействѣ Долгоруковыхъ, Наталья Борисовна и ея мужъ заняли самую неудобную комнату, перегороженную на двое, и безъ топки. Въ ней сложили наскоро двѣ печи, потому что приближались уже морозы.

Старая княгиня сильно простудилась дорогой, и доѣхала больная до своего послѣдняго мѣста жительства. Она прострадала недѣли три и скончалась. Ее похоронили у сосѣдней церкви Рождества Богородицы, и поставили надъ ея могилой часовню изъ толстыхъ кедровыхъ бревенъ.

Ссыльные были подчинены самому строгому надзору. Изъ острога они имѣли право выходить лишь только въ церковь, и то не иначе какъ подъ карауломъ, а сообщенія съ кѣмъ бы то ни было имъ не дозволяли. Домъ былъ скудно меблированъ, и пришлось богачамъ ознакомиться съ долей бѣдняка. Они ѣли деревянными ложками и пили изъ оловянныхъ стакановъ. Но труднѣе

всего было переносить заключеніе и однообразіе жизни. Женщины занимались, отъ скуки, рукодѣліемъ: онѣ вышивали шелками иконы по кисеѣ и камкѣ. Когда была сдѣлана впослѣдствіи опись ихъ вещей, оказалась 21 икона ихъ работы. Узникъ ищетъ развлеченія во всемъ: среди двора острога была сажалка, гдѣ плавали гуси и утки, и въ лѣтніе дни молодыя княжны любили заниматься ими, кормили ихъ хлѣбомъ, и пріучали къ себѣ.

При такой обстановкѣ оставалось одно лишь благо въ жизни: домашній миръ и тишина. Но не было въ семействѣ ни мира ни тишины. Мы уже знаемъ, что князь Алексѣй Григорьевичъ не любилъ своего старшаго сына. Онъ смотрѣлъ недоброжелательно на привязанность къ нему Петра II, и старался замѣнить его при государѣ однимъ изъ младшихъ своихъ сыновей. Однако въ то время онъ щадилъ царскаго любимца изъ собственныхъ выгодъ, но теперь, когда всѣ надежды были такъ горько обмануты, когда вмѣсто царскаго дворца на долю семейства выпалъ острогъ, старый князь высказывалъ, не стѣсняясь, свою непріязнь противъ сына. Ни ему, ни бывшей невѣстѣ Петра онъ не прощалъ ихъ неудачи, изливалъ на нихъ безжалостно свою досаду и желчь, упрекалъ ихъ въ томъ, что они не съумѣли воспользоваться во время своимъ положеніемъ и доходилъ иногда до того, что билъ ихъ въ припадкѣ бѣшенства. Страданіе очищаетъ природы крѣпкаго закала, но князь Алексѣй Григорьевичъ не походилъ на Меншикова, и несчастіе развивало все болѣе и болѣе въ немъ эгоистическія и мелочныя свойства.

Семейная жизнь становилась невыносимой: некуда было укрыться отъ нападковъ придирчиваго и капризнаго старика, и больше всѣхъ страдала отъ этихъ распрей кроткая Наталья Борисовна. У нея родился сынъ чрезъ полгода послѣ пріѣзда въ Березовъ; она просила позволенія взять кормилицу къ ребенку. Но въ этомъ правѣ ей отказали, и, не смотря на свое болѣзненное состояніе, она была принуждена кормить сама своего маленькаго Мишу. Ея потрясенное здоровье требовало постояннаго ухода и попеченія, а домашніе раздоры подвергали ее ежедневнымъ огорченіямъ. Наконецъ, послѣ четырехлѣтней ссылки, князь Алексѣй Григорьевичъ умеръ и былъ похороненъ рядомъ съ своей женой.

Однако положеніе семьи ни улучшилось послѣ его смерти. Князь Иванъ, какъ старшій, сталъ главой семейства, но никто ему не повиновался. Сестры его были капризны и своенравны. Въ особенности Екатерина Алексѣевна, *разрушенная* царская невѣста, какъ ее называли въ офиціальныхъ бумагахъ, была женщина непреклонной гордости и жестокаго характера. Она не могла утѣшиться въ утратѣ Русскаго престола и воспоминанія прошлаго отзывались въ ней постепенно возрастающимъ ожесточеніемъ противъ всего окружающаго. Князя Ивана она ненавидѣла и возстановляла противъ него младшихъ сестеръ и братьевъ, которые, съ своей стороны, вели непрерывную борьбу между собой.

Что касается до князя Ивана, его упрекали, при дворѣ Петра, въ злоупотребленіи власти, въ разгульной жизни— упрекали его во многомъ. Но его прошлое до насъ не

касается: мы съ нимъ ознакомились съ минуты его паденья и проводили его до Березова: взглянемъ же на жизнь, которую онъ велъ въ Березовѣ.

Природа одарила его не стойкостію духа, но мягкостію сердца, что спасло его отъ ожесточенія. Все способствовало къ его духовному перерожденію, печальный примѣръ отца, святое чувство женщины, которая пожертвовала ему всѣмъ, и, подчиняясь ему, постоянно не подозрѣвала сама своего вліянія надъ нимъ, наконецъ свѣжія преданія о Меншиковѣ и видъ его могилы, который долженъ былъ вызывать грустныя размышленія въ этихъ изгнанникахъ, указавшихъ ему путь въ Сибирь, гдѣ влачили теперь сами свою жизнь.

«Я не постыжусь описать его добродѣтели, потому что я не лгу, говоритъ Наталья Борисовна, не дай Богъ что написать неправильно». И изъ ея записокъ мы узнаемъ, какъ мало Березовскій узникъ походилъ на бывшаго царскаго любимца. Между тѣмъ какъ онъ подчинялся нравственному превосходству жены, она нашла въ немъ, съ своей стороны, друга и руководителя. Рано созрѣли ея самоотверженіе, ея честныя и любящія свойства, но она была еще ребенкомъ—ея характеръ еще не сложился, и понятія требовали развитія. Мужъ читалъ ей св. писаніе, чтобъ научить ее слову Божіему и молился съ ней. Въ ихъ долгихъ бесѣдахъ онъ говорилъ ей часто о прощеніи обидъ, вспоминалъ безъ озлобленія о своихъ врагахъ, и развивалъ въ ней чувство вѣры, которое помогло ей переносить безропотно самыя тяжкія испытанія. Своей скудной казной онъ дѣлился всегда съ бѣдными, ходилъ

постоянно въ церковь, соблюдалъ посты и говѣлъ по монастырскому правилу. Можетъ быть, онъ предчувствовалъ, что Богъ готовилъ ему вѣнецъ мученика, и хотѣлъ его принять съ спокойной савѣстію и чистымъ сердцемъ.

XVII.

Князья Долгоруковы жили уже года полтора въ своемъ изгнаніи, когда пріѣхалъ изъ Петербурга чиновникъ, съ порученіемъ отобрать у нихъ всѣ драгоцѣнныя вещи. Одной Натальѣ Борисовнѣ не пришлось горевать объ утратѣ своихъ сокровищъ: они состояли изъ ея обручальнаго перстня и табакерки, подаренной ей Императоромъ. Не знаемъ, была ли отобрана табакерка, но перстня не отняли у княгини.

Послѣ этой мѣры казалось, что рѣшились оставить ссыльныхъ въ покоѣ. Положеніе ихъ даже улучшилось. Не смотря на строгость приказаній присланныхъ изъ Петербурга, они начали, мало по малу, пользоваться возможной свободой. Бобровскій, Березовскій воевода былъ добрый и честный человѣкъ; познакомившись съ ними, онъ старался всячески облегчить ихъ горькое положеніе, далъ имъ позволеніе ходить безъ караула въ церковь, прогуливаться по городу и даже водить знакомство съ обывателями. Пріятельскія отношенія образовались между ссыльными и воеводой: онъ принималъ ихъ у себя, ѣздилъ

къ нимъ и они угощали его съ радостію своимъ незатѣйливымъ обѣдомъ. Когда у Натальи Борисовны родился второй сынъ, который умеръ въ младенчествѣ, жена Бобровскаго была крестной матерью, и княгиня подарила своей кумѣ кусокъ парчи, привезенный по всей вѣроятности изъ Москвы, которымъ нибудь изъ членовъ семейства.

И вотъ уже скоро восемь лѣтъ какъ живетъ наша княгиня въ этомъ Березовѣ, о которомъ она не могла вспомнить безъ ужаса до послѣднихъ дней своей жизни. Не успѣетъ она обогрѣться на трехъ-недѣльномъ лѣтнемъ солнышкѣ, какъ уже клубится опять туманъ, а тамъ повалитъ хлопьями снѣгъ, затрещатъ морозы, застонетъ буря и все вымретъ опять на цѣлый годъ. Грустно и темно въ острогѣ: надо искать, съ работой въ рукахъ, блѣднаго луча свѣта у окна, занесеннаго до половины снѣгомъ. И вѣтеръ все завываетъ, на сердцѣ становится все тоскливѣй, и передъ глазами изгнанницы мелькаютъ такъ живо любимые образы тѣхъ, съ которыми она простилась на вѣкъ... А въ сосѣдней комнатѣ раздаются крики и бранныя слова... опять семейный раздоръ...

Наталья Борисовна мирилась съ мыслію, что ея молодая жизнь гибнетъ въ заточеніи, но съ горькой участію мужа она мириться не могла. Не за себя, а за него ея сердце обливалось постоянно кровью. «Каково мнѣ было видѣть, что онъ страдаетъ безвинно»! говоритъ она, забывая, что страдаетъ сама не только безвинно, но и добровольно.

Она замѣнила князю Ивану всѣ привязанности, въ

которыхъ отказали ему люди или судьба. Возлѣ нея онъ отдыхалъ отъ тяжелыхъ воспоминаній и семейныхъ распрей, и какое бы не подавляло ее горе, она умѣла согрѣть его сердце нѣжной рѣчью и словомъ утѣшенія.

XVIII.

Мы видѣли, что не одинъ князь Алексѣй Григорьевичъ съ своими былъ сосланъ при воцареніи Анны, но всѣ, носящіе имя Долгоруковыхъ, подверглись одинаково опалѣ. Кого заточили въ Соловецкій монастырь, кого въ Ивангородъ, и т. д. Было предписано держать всѣхъ подъ строгимъ надзоромъ, и ежемѣсячно присылалось о нихъ донесеніе въ Петербургъ.

Этотъ порядокъ вещей продолжался около восьми лѣтъ. Однако Биронъ былъ все-таки не покоенъ: ему казалось вѣрнѣй совершенно уничтожить враждебное ему племя. Въ эти времена не трудно было отыскать предлогъ для преслѣдованія: стали распускать слухъ о мнимомъ заговорѣ, хотя всѣ понимали невозможность вести заговоръ изъ-за Соловецкихъ стѣнъ или Березовской пустыни. Князя Ивана обвиняли, между прочимъ, въ оскорбительныхъ словахъ, произнесенныхъ будто бы имъ на счетъ Императрицы, и въ томъ, что онъ берегъ у себя картину, изображающую обрученіе его сестры съ Петромъ II-мъ.

Немедленно былъ отданъ приказъ разлучить князя съ

своими и запереть его въ отдѣльную тюрьму. Не допускали къ нему жены, и поставили къ дверямъ двойной караулъ.

Наталья Борисовна пришла въ отчаяніе. Ея слезы тронули одного изъ тѣхъ, которымъ былъ порученъ надзоръ за заключеннымъ, и онъ ей позволилъ приносить самой каждый день пищу князю Ивану. Тутъ мужъ и жена видѣлись на одну минуту. Онъ ждалъ ее подъ окномъ въ обычный часъ, и они обмѣнивались бѣглымъ взглядомъ. Часовой принималъ у нея кушанье изъ рукъ, и она удалялась.

Такъ протекли почти четыре мѣсяца. Четыре мѣсяца бѣдная женщина жила круглыя сутки въ ожиданіи этой единственной минуты безмолвнаго свиданія съ любимымъ человѣкомъ. Разъ она пришла, по обыкновенію, къ тюрьмѣ, но ничей взглядъ не встрѣтилъ ее у окна: тюрьма была пуста.

XIX.

Въ темную дождливую ночь августа 1738 года большая лодка причалила къ Березову. Сидѣвшіе въ ней солдаты разсыпались по городу и арестовали тридцать одного человѣка. Арестантовъ привели къ берегу, надѣли на нихъ оковы, и заря еще не занималась, а лодка уже скользила по волнамъ Сосвы. Плыли къ Тобольску.

Захвачены были: князь Иванъ, Бобровскій, и всѣ тѣ, которые имѣли какія нибудь сношенія съ Березовскими заключенными.

Въ Тобольскѣ приступили къ розыску, но не съ цѣлью узнать истину, а по тогдашнему обычаю съ цѣлью погубить, во чтобъ ни стало, предназначеныя жертвы. Князя Ивана бросили въ тюрьму и приковали цѣпями къ стѣнѣ. Ночью ему не давали спать, а днемъ пытали. Страданія и страхъ довели его наконецъ до безсознательнаго состоянія. Тогда коммисія, снаряженная по его дѣлу, добилась своего: въ припадкѣ лихорадочнаго бреда онъ сдѣлалъ самыя тяжкія показанія на себя и на своихъ.

Докладъ о сознаніи виновнаго отправленъ немедленно въ Петербургъ, и Биронъ приказываетъ вести дальше дѣло. Ивана Алексѣевича отсылаютъ въ Новгородъ, куда привозятъ также его братьевъ и всѣхъ Долгоруковыхъ изъ разныхъ мѣстъ ссылки.

Здѣсь начались новые допросы и новыя пытки. Не-

праведный судъ длился нѣсколько мѣсяцевъ и ни одного изъ членовъ многочисленнаго семейства не пощадила ненависть Бирона. Показанія Александра, младшаго изъ сыновей Алексѣя Григорьевича оказались пагубными для князя Ивана. Мы однако не признаемъ за собой права обвинять безусловно несчастнаго, взявшаго на душу тяжкій грѣхъ предательства. Надо полагать, что онъ былъ ограниченнаго ума и слабаго характера, но сердце его не было испорчено. Изъ семейныхъ преданій и изъ записокъ Натальи Борисовны видно, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ *разрушенной невѣсты*. Когда же онъ понялъ слѣдствія своего доноса, то нашелъ средство достать себѣ ножъ и распоролъ себѣ животъ. Но Бироновскіе агенты оспорили эту жертву у смерти: зашили рану и спасли жизнь князю Александру.

XX.

Съ древнихъ временъ строили близъ монастырей или въ полѣ, около селъ, небольшіе домики, которые назывались *убогими домами*, *божедомками* или *скудельницами*. Туда приносили тѣла, поднятыя на дорогѣ, у которыхъ не было богомольцевъ и тѣла самоубійцъ, которымъ церковный уставъ отказываетъ въ христіанскомъ погребеніи. Но божедомы или охранители этихъ домовъ посвящали всю жизнь молитвѣ о неизвѣстныхъ прегрешеніяхъ чуждыхъ имъ покойниковъ. По трогательному

обычаю люди благочестивые приносили гроба, рубашки и саваны для усопшихъ, которыхъ омывали собственными руками, одѣвали, и, положивши въ гробъ, опускали съ молитвой въ сиротскія могилы.

Съ ранняго часа холоднаго ноябрскаго утра 1739 года тѣснился густыми толпами народъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ скудельничьяго кладбища, которое простирается около самаго Новгорода. Но не съ молитвой, не на благочестивый подвигъ стекались, на этотъ разъ, православные къ убогому дому. На полѣ былъ воздвигнутъ высокій эшафотъ; у подножья стоялъ человѣкъ въ красной рубахѣ и съ засученными рукавами. Матери показывали его малымъ дѣтямъ, приговаривая: мучитель! мучитель! Всѣ поглядывали, въ нетерпѣливомъ ожиданіи, на Новогородскую дорогу: ждали казни.

Наконецъ появились жертвы: три младшихъ сына князя Алексѣя Григорьевича взошли первые на эшафотъ. Ихъ раздѣли и обезчестили казнію кнута. Потомъ одному изъ нихъ урѣзали конецъ языка: двоимъ объявили каторжныя работы, третьему ссылку въ Камчатку.

За ними послѣдовали, одинъ за другимъ, двое изъ ихъ дядей. Палачъ бросилъ кнутъ и взялся за топоръ... покатились одна за другой двѣ головы...

Тогда сталъ подниматься медленно по роковой лѣстницѣ дряхлый старикъ, разбитый годами, болѣзнію и долгой ссылкой *). Черезъ нѣсколько минутъ упала и его сѣдая голова.

---

*) Князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, членъ Верховнаго Совѣта при Петрѣ II.

Очередь осталась за княземъ Иваномъ. Одному Богу извѣстно, что̀ кипѣло, въ эти минуты, на его душѣ, но онъ смотрѣлъ спокойными глазами на приготовленія къ своей казни, и взошелъ твердымъ шагомъ на эшафотъ. Пока его привязывали къ плахѣ, онъ молился. Палачъ взмахнулъ топоромъ, и правая рука князя упала къ его ногамъ... «Благодарю тебя Господи...» произнесъ страдалецъ... Но поднялся опять топоръ и отсѣкъ у него ногу. Онъ продолжалъ: «что ты мнѣ дозволилъ...» Другая рука была отсѣчена и изувѣченный трупъ пролепеталъ еще блѣдными губами... «познать Тебя», и онъ лишился чувствъ. Палачъ довершилъ казнь отсѣченіемъ второй ноги и наконецъ головы.

На скудельничьемъ кладбищѣ вырыли ямы для именитыхъ князей Долгоруковыхъ. Между тѣмъ, были принесены два большіе гроба: въ каждый изъ нихъ бросили по два обезглавленныхъ тѣла, и гроба опущены безъ отпѣванія въ землю.

XXI.

А Наталья Борисовна?

Мы оставили ее передъ опустѣвшей тюрьмой мужа. Бѣдная женщина дрожала, какъ будто пораженная пулей, и слезы струились по ея щекамъ.

«Гдѣ онъ? Куда его дѣвали?» спрашивала она, между тѣмъ какъ сердце ея замирало словно въ предсмертныхъ мукахъ.

«Его увезли», сказалъ ей кто-то.

Она упала, полубезумная, на колѣни и крикнула прохожимъ:

«Если вы христіане, дайте мнѣ только взглянуть на него, дайте съ нимъ проститься.»

Ее подняли, поволокли опять въ острогъ, и къ двери ея комнаты поставили часоваго.

Между тѣмъ, коммисія, снаряженная по дѣлу Долгоруковыхъ, приказала приступить къ повальному обыску ихъ дома: перерыли все, до малѣйшихъ уголковъ. Надо было во чтобъ ни стало, найдти улики противъ обвиненныхъ и въ особенности картину, изображающую обрученіе княжны Екатерины съ покойнымъ императоромъ: въ ней видѣли неоспоримое доказательство заговора. Наконецъ картину нашли; она изображала не обрученіе, а коронованіе Петра II, который былъ представленъ въ императорской коронѣ, а Россія въ видѣ женщины стояла передъ нимъ на колѣнахъ. Но за неимѣніемъ одного доказательства противъ обвиненныхъ были изобрѣтены другія.

Тѣ изъ князей Долгоруковыхъ, которые не погибли въ Новгородѣ отъ руки палача, поѣхали въ ссылку или на каторгу. Всѣ лица, обвиненныя въ сношеніяхъ съ ними, были наказаны кнутомъ. Въ томъ числѣ находились Бобровскій и его жена, уличенная въ томъ, что она крестила сына у Натальи Борисовны, и приняла отъ нее въ подарокъ кусокъ парчи. У воеводы урѣзали ноздри и сослали его на каторжныя работы *). Дочерей князя

*) Въ началѣ нынѣшняго вѣка сынъ этого несчастнаго пріѣзжалъ изъ Сибири въ Москву, гдѣ его внучка вышла за графа Ефимовскаго, который приходился по матери правнучкомъ княгини Натальи Борисовны. Старикъ хотѣлъ познакомиться съ новымъ внукомъ и повидаться съ семейством

Алексѣя Григорьевича постригли въ разные монастыри.

И Наталья Борисовна осталась въ совершенномъ одиночествѣ. У насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, никакихъ подробностей объ этой порѣ ея жизни, и мы знаемъ только, что, по удаленіи Ивана Алексѣевича изъ Березова, родился еще сынъ у княгини, знаемъ также, по устнымъ преданіямъ, какая тоска наполняла ея безотрадное сердце, когда она себѣ ставила ежечасно одинъ и тотъ же вопросъ: гдѣ онъ? Куда его дѣвали? Одна, въ Березовскомъ острогѣ, между новорожденнымъ младенцемъ и семилѣтнимъ ребенкомъ, она проводила дни и ночи въ слезахъ, или въ порывахъ безпредѣльной скорби падала на колѣни передъ иконой Николая чудотворца, привезенной изъ Москвы княземъ Иваномъ и молилась до пота лица, до истощенія силъ.

И въ этой тоскѣ, и въ этихъ молитвахъ проходили дни, недѣли, мѣсяцы, прошло наконецъ около двухъ лѣтъ, и въ тайную канцелярію поступилъ докладъ о томъ, что «князя Ивана Долгорукова жена проситъ, чтобъ

Долгоруковыхъ, за которыхъ пострадалъ такъ тяжко его отецъ. Изъ Москвы Бобровскій поѣхалъ во Владиміръ, гдѣ Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ, родной внукъ Натальи Борисовны, былъ въ это время губернаторомъ. Князь въ своихъ неизданныхъ запискахъ такъ говоритъ объ этомъ трогательномъ свиданіи: «Я проливалъ радостныя и вмѣстѣ съ тѣмъ горькія слезы при видѣ этого почтеннаго старика; я жадно его слушалъ, внимая каждому его слову, пока онъ мнѣ разсказывалъ о прошломъ, о ссылкѣ моего дѣда, объ услугахъ, оказанныхъ ему отцомъ разскащика. Онъ же, видя меня въ первый разъ, плакалъ при воспоминаніи несчастій нашего семейства, а я разспрашивалъ его, рыдая, и не могъ насытиться его разсказами». Долгоруковы и Ефимовскій умоляли Бобровскаго переселиться въ Москву, но старика манило на его печальную родину, и онъ возвратился въ Сибирь.

ежели мужъ ея еще живъ, то бъ ея не разлучать съ нимъ, а ежели не живъ, то постричь ее».

Въ отвѣтъ на это прошеніе Анна Іоанновна разрѣшила вдовѣ казненнаго возвратиться въ Россію. Но какъ и кто объявилъ княгинѣ о судьбѣ ея мужа,—о томъ преданіе молчитъ.

Она оставила Сибирь съ своими дѣтьми и въѣхала въ Москву въ тотъ день, когда Петербургъ служилъ первую панихиду о «новопреставленной царицѣ Аннѣ».

XXII.

Натальѣ Борисовнѣ было двадцать шесть лѣтъ, когда она вошла съ своими осиротѣвшими дѣтьми въ домъ покойнаго отца и окинула взоромъ большую залу, гдѣ ее обручали. Здѣсь она сидѣла съ женихомъ, здѣсь получила отъ него перстень, который блестѣлъ и теперь на ея пальцѣ, здѣсь принимала дружескія поздравленія Императора и подарки своей будущей семьи. Но рядомъ съ этими образами все мерещились ей и другіе еще образы?... Острогъ на пустынномъ островѣ, тюрьма, въ которой она видѣла въ послѣдній разъ мужа, и наконецъ незнакомая площадь, палачъ съ окровавленнымъ топоромъ, и изувѣченный трупъ, котораго она не могла оросить своими слезами?

Ничего неизвѣстно о ея первомъ свиданьи съ семействомъ. Графъ Петръ Борисовичъ отвелъ ей комнаты въ своихъ палатахъ и впродолженіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ

бездомная вдова жила большею частію у него. Объ этой порѣ ея жизни мы находимъ лишь слѣдующія строки въ ея запискахъ:

«Пріѣхавши къ Москвѣ, три года скиталась по чужимъ дворамъ, и такъ бѣдственно вдовствующую жизнь препроводила, дѣтей воспитала, сколько бѣдъ претерпѣла, нападковъ, разоренія, нестроеніе домашнее, тому Богъ свидѣтель». *)

Она стала хлопотать о томъ, чтобы упрочить за сыновьями независимый кусокъ хлѣба, обращалась ко всѣмъ вліятельнымъ лицамъ того времени, и добилась, хотя не скоро, небольшой части имѣнія князя Алексѣя Григорьевича. Съ своей стороны Графъ Петръ Борисовичъ удѣлилъ ей наконецъ 500 душъ взамѣнъ придачаго, которое обѣщалъ выплатить капиталомъ, когда помолвилъ сестру **).

Тогда она переселилась подъ собственный кровъ и посвятила себя исключительно воспитанію сыновей. Тяжело ей было въ міру: душа просила уединенія и молитвы, но ради мужа она отказалась отъ житейскихъ

---

*) Мы уже сказали, что княгиня довела свои записки лишь до пріѣзда семейства въ Березовъ, но сохранились еще нѣсколько отрывочныхъ отмѣтокъ, написанныхъ ея рукой.

**) Графъ Петръ Борисовичъ получилъ одинъ все отцовское имѣніе, состоящее изъ 70 тысячь душъ. У фельдмаршала были однакоже два сына, одинъ отъ перваго, другой отъ втораго его брака. Но по закону Петра I-го отецъ семейства обязань былъ оставить свое недвижимое имѣніе лишь одному изъ своихъ прямыхъ наслѣдниковъ, котораго имѣлъ право выбрать. Петръ Борисовичъ Шереметевъ женился на княжнѣ Черкасской, и взялъ также за ней 70 тысячь душъ.

радостей, а ради дѣтей отказалась отъ покоя, который надѣялась найдти среди монастырскихъ стѣнъ. Она прожила пятнадцать лѣтъ съ сыновьями и записала ихъ въ службу. Наконецъ старшій женился, *) а второй, девятнадцатилѣтній красавецъ вступилъ въ свѣтъ, и тогда лишь она вздохнула свободно, какъ кормчій при видѣ давно желанной пристани.

Устроивши молодыхъ и налюбовавшись ими, Наталья Борисовна стала собираться въ путь. Когда все было готово, она простилась съ семействомъ и домашними и сѣла въ дорожный экипажъ. Она ѣхала на постриженіе въ отдаленный Кіевъ.

XXIII.

Наталья Борисовна, облекаясь въ монашескую рясу, приняла имя Нектаріи, и отдала послѣдніе годы своей жизни Богу съ той же горячностію, съ той же полнотой, какъ отдала когда-то всю молодость изгнаннику. Свою уединенную келію она покидала лишь для церковной службы, или для принесенія пособія больнымъ. Единственнымъ развлеченіемъ служилъ ей садикъ, въ которомъ она любила отдыхать, а единственную свою радость она находила въ перепискѣ съ дѣтьми. «Мнѣ только и прохладнаго времени, говоритъ она имъ, когда

***) На графинѣ Строгоновой.

къ вамъ пишу или отъ васъ письма получаю. Зѣло мой путь тѣсенъ и прискорбенъ». Въ старости она занялась, по просьбѣ сына и невѣстки, составленіемъ своихъ записокъ, гдѣ благодаритъ Бога соединившаго ее съ человѣкомъ, котораго могла такъ безпредѣльно любить. Рукопись находится, до сихъ поръ, въ рукахъ ея потомковъ. На послѣднемъ листкѣ написано рукой ея старшаго сына: «Получилъ я сію книгу изъ Кіева, по кончинѣ несчастной матери моей».

Но не въ келіи, а лишь въ могилѣ суждено ей было найдти покой, котораго она искала. Она получила извѣстіе о кончинѣ любимаго своего брата, Графа Сергѣя, и не успѣла еще опомниться отъ этого потрясенія, когда новое горе поразило ее. Младшій ея сынъ впалъ въ ипохондрію, изъявилъ желаніе поступить въ монастырь, отказался отъ свѣта и пріѣхалъ въ Кіевъ. Мать оставила его блестящаго молодостію и красотой, а встрѣтила теперь разбитаго тѣломъ и полу-безумнаго. Онъ поселился послушникомъ въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей и возлагалъ на себя самые тяжкіе труды и послушанія. Княгиня ходила за нимъ съ попеченіемъ матери и сестры милосердія, и старалась напрасно успокоить его больное воображеніе. Наконецъ онъ слегъ въ постель и принялъ постриженіе за два дня до смерти. Наталья Борисовна закрыла ему глаза и похоронила его въ трапезѣ Кіевопечерской Лавры.

Это послѣднее испытаніе сокрушило окончательно ея физическія силы, но не нравственную доблесть. При каждомъ новомъ ударѣ она ниже преклоняла голову

передъ Богомъ, каждое новое горе очищало еще болѣе ея сердце, и укрѣпляло ея вѣру, и старица Нектарія шла твердымъ шагомъ по скорбному пути, и, какъ древніе мученики, упивалась своими страданіями. Ея не удовлетворяли постъ и строгость монастырскаго правила; ей хотѣлось искусить себя болѣе еще суровыми духовными подвигами и не задолго до смерти сына она приняла схиму.

Въ ея убогой келіи ничто ей не напомипало о роскоши первыхъ ея дней, ни о горькихъ радостяхъ ея любви, ничто, кромѣ обручальнаго перстня, съ которымъ она не разставалась. Но слишкомъ живо напоминалъ онъ ей о прошломъ и слишкомъ горячо при воспоминаніи прошлаго билось ея сердце. Надо было послѣднюю еще жертву принести Богу,—и въ день, назначенный для постриженія, Наталья Борисовна идетъ на берегъ Днѣпра. Долго глядѣла она, глухо рыдая, на волны, въ ея сердцѣ совершалась тяжкая борьба, и наконецъ она протянула руку и драгоцѣнный перстень упалъ на дно рѣки.

Потомъ послѣднее отреченіе отъ міра, бѣлый крестъ на мантіи, что на гробовой доскѣ, похороны сына, и Нектарія молила Бога лишь о тихой кончинѣ.

И тихую кончину послалъ ей Богъ.

XXIV.

Ее погребли въ двухъ шагахъ отъ могилы сына.

Прошло болѣе столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ у входа трапезной церкви Кіевопечерской Лавры была вырыта могила, и при заунывномъ похоронномъ напѣвѣ внесли въ храмъ черный, съ бѣлыми крестами, гробъ схимницы. Лицо ея было закрыто, чтобы ничей взоръ не могъ уже видѣть его черты и клиросъ запѣлъ хоромъ: «упокой Господи душу новопреставленной рабы Твоей Нектаріи,» а Нектарія не забыта до сихъ поръ. Нѣтъ путешественника, который, посѣщая Лавру, не остановился бы въ трапезѣ и не приклонилъ колѣно передъ могилою, которая отмѣчена надписью на стѣнѣ, нѣтъ ни одного, можетъ быть, который при видѣ этой могилы не задумался, надъ судьбой красавицы, перенесенной изъ Шереметевскихъ палатъ въ Березовскій острогъ, и изъ острога въ кіевскую келію; нѣтъ ни одного, который, стоя подъ сводами храма, гдѣ она молилась впродолженіи тринадцати лѣтъ, не вопросилъ бы взоромъ этихъ нѣмыхъ свидѣтелей неземной скорби и неземныхъ упованій вдовы казненнаго страдальца. И такъ сильно нравственное вліяніе надъ человѣческимъ сердцемъ, что долго еще будетъ передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе свѣтлый образъ женщины, которая отдала всю свою жизнь любви, страданію и молитвѣ.

XXV.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ остальныхъ членахъ Долгоруковскаго семейства.

Ихъ участь перемѣнилась съ воцареніемъ императрицы Елисаветы: они были всѣ помилованы и возвращены изъ ссылки или съ каторги. Дочерей Алексѣя Григорьевича Императрица взяла подъ свое покровительство. Двѣ изъ нихъ, оставивши монастыри, гдѣ приняли насильственное постриженіе, вышли замужъ, третья умерла дѣвицей.

Въ 1745 году богатая дорожная карета остановилась у скудельничьяго кладбища, которое простирается около Новгорода. Изъ кареты вышла красивая, съ темнорусыми волосами, женщина лѣтъ тридцати, и приказала вести себя на могилы казненныхъ князей Долгоруковыхъ.

Эта красавица была никто иная какъ Графиня Екатерина Алексѣевна Брюсъ, урожденная княжна Долгорукова, бывшая невѣста Петра II-го.

Она отыскала сиротскія могилы, къ которымъ ее привело, можетъ быть, чувство жгучаго раскаянія, и заложила надъ ними церковь во имя Святителя Николая Чудотворца. Въ этотъ будущій храмъ она пожертвовала иконостасъ и драгоцѣнный алмазъ, которые были отданы на сохраненіе въ Рождественскій монастырь, стоящій «на убогихъ домахъ» Но не суждено было ея вкладамъ украшать храмъ, воздвигнутый надъ тѣломъ страдальца,

котораго она преслѣдовала своею ненавистію. Обитель была уничтожена, а Рождественская церковь приписана къ одной изъ Новогородскихъ, посвященной Св. Георгію. Туда перенесли разную церковную утварь, и между прочимъ дары Екатерины Алексѣевны, которая умерла скоро послѣ своего возвращенія изъ Новгорода.

За четыре года до своей кончины Наталья Борисовна была обрадована посѣщеніемъ сына и невѣстки. Старушка, на сколько намъ извѣстно, видѣлась съ ними тогда въ послѣдній разъ, и благословила ихъ на сооруженіе церкви, заложенной двадцать два года передъ тѣмъ на скудельничьемъ кладбищѣ.

И князь Михаилъ Ивановичъ выстроилъ церковь и поставилъ при ней придѣлъ во имя Св. Іоанна Златоуста. Тамъ можно видѣть диптикъ, по которому поминаютъ до сихъ поръ родъ князей Долгоруковыхъ и схимонахиню Нектарію, можно видѣть и вклады храмоздателя: евангеліе, пелену, серебряное блюдо, кадило, подсвѣчникъ и икону Чудотворца Николая, привезенную въ Березовъ Иваномъ Алексѣевичемъ. Но сынъ казненнаго не взялъ почему то изъ церкви Св. Георгія даровъ своей тётки. Впослѣдствіи эта церковь сгорѣла, сгорѣлъ и иконостасъ, присланный Екатериной Алексѣевной, а алмазъ былъ утраченъ во время пожара.

КНИЖКИ ДЛЯ ШКОЛЪ

ОДОБРЕННЫЯ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

..тръ Первый	5 к.
.тарый Дворецкій	5 —
.апитанъ Боппъ	5 —
.ылины и легенды	5 —
.огда я былъ маленькій	5 —
Аѳонская гора	5 —
Гуттенбергъ, изобрѣтатель книгопечатанія	5 —
Сельская школа	5 —
Добрая и злая жена	5 —
Океаны	5 —
Разсказы Ваненко	6 —
Западная Сибирь	5 —
Маша	5 —
Аравія	6 —
Петруша	5 —
Тобольская губернія	5 —
Охота за зайцемъ	5 —
Инородцы Западной Сибири	5 —
Индія	5 —
Къ пятнадцатилѣтнимъ	6 —
Сѣверное Сіяніе, Тундра, Тайга	5 —
Какъ питается человѣкъ. Изд. 2-е	10 —
Чѣмъ питается человѣкъ. Изд. 2-е	10 —
Какъ живетъ растеніе. Изд. 2-е	15 —
Аннушка	5 —
Жизнь Свв. Кирилла и Меѳодія, учителей славянск. Изд: 2-е.	10 —
Что такое воздухъ и вліяніе его на животныхъ и растенія. Вейнберга. Изд. 2-е	10 —
Благочестивыя мысли и наставленія для руководства христіанину на пути къ совершенству	10 —